

Борис Натанович Михалевский (1930–1973 гг.) – один из крупных и оригинально мыслящих экономистов послесталинского периода, проработавший в экономической науке около 20 лет. Им опубликованы две монографии, десятка три статей; его работы издавались в Польше, Югославии, Франции и США. Его сестра А. Н. Никольская написала книгу, в которой ярко охарактеризованы эпоха, состояние экономической науки и, без преувеличения, научный подвиг Бориса Натановича, Богом которого была правда, и изменять этому Богу он не хотел.

Публикуем отрывки из книги. Полностью Вы найдете ее на нашем сайте в Интернете: www.ekonom.nsc.ru/eco

Борис – наш герой

А. Н. НИКОЛЬСКАЯ

Судьба каждого, а тем более талантливого человека уникальна, но вместе с тем в жизни Бориса Михалевского как бы сфокусировались многие кричащие противоречия прошедшей эпохи.

Л. Фридман

Наука была смыслом жизни Бориса, так что прежде всего надо вспомнить о нем как об ученом. По прошествии десятилетий могу сказать, что ученый он был гениальный, на порядок возвышаясь над своими коллегами. Говорю не как сестра, а как кандидат тех же экономических наук, что достаточно для приблизительного понимания его места в этой области. И, конечно же, хотя он сделал немало, он мог бы сделать неизмеримо больше в благоприятных условиях. Ю. В. Яременко, сам очень талантливый ученый, поражался: «Борис мог бы загрузить целый институт» (не американский институт, где более 20–30 сотрудников не бывает, а советский – с сотнями сотрудников). Но и то, что он смог сделать в изоляции от мировой науки, при плачевном состоянии экономической статистики, с постоянной оглядкой на цензуру и КГБ, – очень велико и обошлось ему весьма дорого.

© ЭКО 2006 г.

Позднее много упреков высказывалось в адрес экономистов, которые оказались неспособны помочь Советскому Союзу перейти от тоталитарной централизованной системы хозяйства к рыночному хозяйству без катастрофы. При этом с грустью упоминаются успешные китайские экономические реформы 70–80-х годов: ведь была такая отсталая страна, с допотопной промышленностью, жестко тоталитарная, никто не знает, сколько миллионов людей там погибло от голода и в политических репрессиях, а вот выбираются же из ямы – и как!

...В отличие от «старшего брата» китайские товарищи в закрытых партийно-государственных кругах наверняка говорили друг с другом о разных неприятных вещах вроде необходимости проявить некоторую политическую и экономическую гибкость. Ведь если народу не дать послабления от бедности, можно и власть потерять. Обсуждали, где именно дать ограниченный вход капитализму, и т. п. А советские товарищи даже в закрытых кругах ничего неприятного обсуждать не хотели,

экономических экспериментов не ставили, а продолжали бредить построением коммунизма и целью догнать-перегнать Америку. И тут никакой экономист не смог бы помочь, поскольку некому было слушать. Если бы нашелся знающий, что надо делать, его надо было бы поскорее примерно наказать, чтобы замолчал. Таким человеком, в частности, был Борис...

Борис оказался в советской экономичес-

кой науке вскоре после смерти Сталина, в 1953–1954 гг. Позади у него был исторический факультет МГУ, где он получил солидные знания по истории (он специализировался по истории Германии). Он занимался очень жадно и много, выделяясь и на своем курсе, где было немало талантливых людей. За эти же годы выучил несколько иностранных языков – немецкий, английский, латынь и французский, самоучкой занимался высшей математикой. Оценил и стал его ментором профессор-германист А. Ерусалимский. Он относился к Борису даже по-отцовски, нередко приглашая домой – беседовать и обедать...

Постепенно Борис увлекся экономикой, может быть, под влиянием деда-экономиста. Его дипломная работа была посвящена формированию аграрного капитала в Германии конца XIX – начала XX века. Это было уже самостоятельное научное исследование, и его дипломный руководитель – статистик академик Б. Ястремский – рекомендовал присвоить Борису звание кандидата наук – дело невозможное на насквозь идеологизированном истфаке. На мехмате, где научный талант расцветает рано и его уважают больше, такое было бы не в новинку.

Придя в экономику с таким багажом, Борис сначала продолжил свои исследования по Германии в Институте мировой экономики и международных отношений. Он занялся немецкой рабочей аристократией, но важнее было то, что он делал после работы: сидел по вечерам в архиве фашистского Министерства хозяйства, захваченном в конце войны, и изучал военную экономику нацистской Германии.

В этой работе впервые выявились вкус и способности Бориса к макроэкономическому анализу, то есть анализу в масштабе экономики в целом, такому, который базируется на огромном фактическом материале. Его интересовало, как Германия, страна среднего размера и бедная природными ресурсами, годами выдерживала войну на два фронта. Разумеется, она грабила покоренную Европу и оккупированные части России, но успешно мобилизовала и свое хозяйство.

Сам не зная того вначале, он на примере Германии изучал механизмы, типичные для советской экономики. Впо-

следствии он назвал советское хозяйство «экономикой с большой внеэкономической нагрузкой», что роднило ее с фашистской Германией. При этом для Германии внеэкономической нагрузкой была война, и ее она обслуживала прежде всего, а советская экономика обслуживала более разнообразные нагрузки – гонку вооружений, затраты на страны-сателлиты, диспропорциональный рост тяжелой промышленности, ну и, конечно, расходы в военное время. Но в обеих странах на нужды народа шло только то, что оставалось от внеэкономических нагрузок.

Помню большой сундук, грубо сбитый из неотесанных досок. Он стоял на лестничной клетке и заключал в себе горы Борисовых выписок из германского архива. Аналитические разработки на основе этих материалов я увидела только много лет спустя, разбирая архивы после смерти брата. Охват был и широкий, и глубокий. Там были данные и анализ финансовых потоков и потоков рабочей силы в масштабах всего Рейха. Был анализ использования рабского труда – подробные расчеты затрат на содержание подневольного труда, его производительность и прибыль. Много внимания он уделил анализу потребления: как Германия умудрялась его ужимать, используя карточную систему, эрзацы – заменители первоначального продукта (например, свекольный мармелад), ухудшая состав сырья, которое шло на производство колбасы, обуви и т. п.

Одновременно Борис обменивался с друзьями по университету, Лене́й Фридманом и Колей Покровским, догадками и прикидками данных по советской экономике. В отличие от сокровищницы данных германского архива эти любознательные молодые люди наталкивались на крайнюю скудость сведений о родной стране. Экономические справочники тогда не публиковались, многое было засекречено, а иных сведений просто не существовало – их никто не собирал. Достаточно сказать, что нельзя было получить представление о доходах и расходах населения, о составе потребительской корзины.

Эти параллельные занятия фашистской и советской экономикой навели Бориса на мысль об их необыкновенном сходстве. И он оставил мысль о написании книги об эконо-

мике фашизма – все равно она не пройдет цензуру. Впоследствии пленный архив вернули ФРГ, и на его материалах была написана не одна книга. Возможно, наука ничего не потеряла, но Борис с грустью говорил, что мог бы написать эти вещи на десять лет раньше.

Тем не менее жизнь этой молодежи, полной энергии, надежд, юмора и научного энтузиазма, кипела, шла вперед, пока в нее не врезалось КГБ... В итоге произошел крутой перелом: Колю Покровского посадили, Леню Фридмана, Натана Эйдельмана и Бориса таскали на допросы как свидетелей. Брату грозило превращение из свидетеля в подсудимого с перспективой получить десять лет за разглашение государственной тайны.

Его спас необычайный профессиональный талант – понимать действующие в экономике соотношения, тем самым добывая цифры косвенными путями. Все секретные данные, якобы им разглашенные, Борис смог обосновать расчетами из опубликованных данных или указать официальные источники (он помнил даже номера газет, откуда он брал интересные ему цифры). Все же работу свою он потерял, что, в конце концов, оказалось к лучшему – он очутился в первой в Союзе экономико-математической лаборатории и со временем заговорил языком новой для него науки. В этой области он и сделал свои основные работы.

В 1992 г. в Москве я встретила с Л. Фридманом, и он вспоминал разговоры с Борисом тех времен – конца 50-х годов. Оба поняли, что занятия советской экономикой были опасны для жизни. Леня навсегда отвернулся от этих проблем и с успехом занялся экономикой развивающихся стран, стал доктором наук, профессором. Борис же не смог забросить свое увлечение. Но мог еще долгое время выживать благодаря новому научному направлению, в которое он попал.

Подвиги героя

П о д в и г п е р в ы й.

Авгиевы конюшни, или Цифирный Шерлок Холмс

Работа в журнале «Социалистический труд» давала пищу для размышлений о советской экономике. Л. Фридман вспо-

минает, как в 1953–1954 гг., когда никаких статистических справочников еще не издавали, он, Борис и еще несколько друзей пытались составить представление о распределении доходов советского населения, в частности, рассчитать доходы крестьян, состав потребления населения (так называемую потребительскую корзину, хотя этого термина они тогда не знали).

Эти беседы стали началом титанического труда Бориса по построению статистического банка данных по советской экономике. Труд этот продолжался всю его жизнь, вызывая почтение, насмешки, непонимание, восхищение — все что угодно. У него в дело шли данные из самых разных источников, и для их добывания использовались любые методы. Например, где-то в 1955 г. ему на глаза попался не помню уж какой французский журнал с советскими ценами на широкий круг потребительских товаров. Данные просто были собраны автором на советских рынках и в магазинах. Идея Борису очень понравилась, и ежегодно в течение многих лет он обходил рынки и продовольственные магазины, записывая цены, донимал меня и знакомых женщин вопросами о цене «среднего» женского платья, пальто и т. д.

Все это, конечно, были прикидки, что намного лучше, чем ничего. Он стал Шерлоком Холмсом цифр — только они были свидетелями, результатами и виновниками неведомых экономических процессов. Добывая цифры, Борис шел на многое, включая взятки. За них сотрудницам его лаборатории выносили тетради с нужными данными в уборную, чтобы переписать их в безопасности кабинки. Так он трудился и рисковал, без выгод лично для себя. Важно и то, что экономисты не имели доступа ни к каким теориям экономического развития, кроме марксистских, и никакой картины советской экономики, кроме официальных победных реляций.

По словам коллег, в том числе доктора наук Ю. П. Соловьева, академика Н. П. Федоренко, кандидата наук А. Фридмана, Борису действительно удалось создать свой уникальный обширный банк данных по советской экономике. Впоследствии публикация экономической статистики очень

расширилась, но даже и тогда многое оставалось в секрете или вообще не было ни собрано, ни рассчитано.

Примером может служить важнейшая статья советской экономики – оборонные расходы. Частично они были отражены в засекреченных данных, скажем, о размерах продукции среднего машиностроения, но сводных цифр не было. Охотничий азарт вел Бориса искать в газетных и журнальных статьях и в книгах разрозненные отдельные цифры и пристраивать их к делу – увязывать с другими, чтобы осветить еще один аспект экономического процесса.

Борис шутил над своей одержимостью цифрами. Склонив голову к плечу и глядя на горы таблиц, он возвещал нам с мамой нежным голосом: «Табличеньки...».

Хорошая жизнь

В 1955 г. в двадцать пять лет Борис защитил диссертацию и поступил на хорошую работу – в сектор Германии Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Жизнь наконец-то улыбалась. И всем нам казалось, что и атмосфера в стране будет легче и лучше с каждым годом. Сталинские годы отходили в прошлое.

Для Бориса и его двоюродного брата Павла товарищ Сталин стал большим источником развлечения. В лицах изображались встречи Сталина с западными писателями – Эмилем Людвигом, Лионом Фейхтвангером, западными левыми интеллигентами, совершенно очарованными хитрым Сталиным. «А как вы думаете, товарищ Сталин, почему Бухарин решил стать шпионом?» – задушевно спрашивает Павел или Борис, изображая Э. Людвига, полностью «съевшего» советские официальные объяснения московских процессов. Хохоча, с грузинским акцентом сам и отвечает: «На этот вопрос, товарищ Людвиг, я могу ответить только “патаму”». Ошеломленный величием «Сталина» «Людвиг» выходит. «Сталин» заглядывает под диван: «Вылезайте, товарищи члены Политбюро!» (*наше общее веселье*). Или помню, как они соревновались в пародиях на официальные радиопередачи. Например, изобретали немыслимые приказы Сталина по поводу празднования очередной годовщины Октябрьской

революции. Обычно такие приказы оповещали о снижении цен или о фантастических проектах вроде насаждения в пустынях лесополос и т. д.

«От имени и по поручению ЦК КПСС приказываю, – возмещает с грузинским акцентом один из них, – превратить кольцо Сатурна в Садовое кольцо; срыть гору Арарат для удовлетворения жилищных нужд армянского народа; обить Луну листовым железом для удовлетворения нужд трудящихся».

Или визгливым, якобы детским голосом, изображается ежеутренняя передача для школьников «Пионерская зорька»: «Я – Рита Иванова. Я дружу только с отличниками. Моя мама пограничник, а папа – опричник...»

П о д в и г в т о р о й.

**Взаимоотношения с Лернейской гидрой,
по совместительству – Ехидной**

**Появляется КГБ –
и не исчезает уже никогда**

К сожалению, хорошей жизни быстро, всего лишь через пару лет, пришел конец. В 1957 г. арестовали группу молодых историков, аспирантов и преподавателей истфака во главе с Л. Краснопевцевым. Они видели себя продолжателями дела Ленина, которого считали настоящим социал-демократом, борцом за трудовой народ. Соответственно, бедные ребята взялись за очистку истории партии, веря, что она была искажена в эпоху сталинизма. Сейчас это звучит наивно, но в те годы подлинная история страны только начала приоткрываться.

Борис не знал о существовании группы, но среди ее членов были его сокурсники (например, Коля Покровский). Авторы новой истории партии интересовались мнением своих друзей об их работе и дали почитать рукопись Натану Эйдельману, Лене Фридману и Борису. Борис интереса не проявил, в исправление партии не поверил и обозвал все начинание «говном» (он вечно ругался), но, как просили авторы, прочитанную рукопись передал не то Лене, не то Натану. После ареста группы и признаний на допросах троим друзьям-

читателям пришили «недонесение», «распространение» анти-советчины и допрашивали их как свидетелей по делу.

Обмениваясь любопытными цифрами с Колей Покровским, Борис не знал, что некоторые его данные о зарплате и уровне жизни попали в листовки группы и оказались в руках КГБ. В результате брату грозило превращение в обвиняемого за разглашение государственной тайны, поскольку некоторые цифры он мог знать только из закрытых материалов Комитета по труду. Это преступление грозило десятью годами тюрьмы. Спасли только феноменальная профессиональная память и квалификация. Он сумел указать для каждой цифры опубликованный источник или способ расчета из опубликованных данных.

Не было бы счастья, да несчастье помогло

На работе его заклеямили ревизионистом. Очередную его статью опубликовали под другим именем против воли хозяина имени. На директора института академика А. Арзуманяна стали давить партийные власти, требуя уволить Михалевского. Директор же, сам отсидевший в сталинские годы, участвовать в травле молодого ученого не пожелал, а нашел мудрый выход из положения: перевел Бориса в первую в СССР экономико-математическую группу, как раз в это время созданную академиком-экономистом В. С. Немчиновым.

У новой группы не было помещения, и В. С. Немчинов одолевал А. Арзуманяна просьбами выделить ему хотя бы одну комнату в обширном здании института. Тот комнату предоставил, но с одним условием: к ней прилагался неудобный Михалевский. Таким трагикомическим манером Борис и оказался участником нового экономико-математического направления и заговорил языком новой науки.

Как говорится, «пожар способствовал столицы украшению», – Борису крупно повезло. Его и В. С. Немчинова впоследствии связывали теплые, уважительные отношения. Все годы их совместной работы Василий Сергеевич братом гордился, неизменно включал его в состав всех групп, едущих на заграничные конференции, хотя того, бедного, ни разу

не выпустили на Запад. Правда, один раз ему повезло – удалось съездить в Польшу, потому что там издали его книгу, и властям захотелось, как обычно в таких случаях, прибрать к рукам его гонорар, который надо было получать лично. Получив оный, наш рассеянный ученый вдруг быстренько отыскал в Варшаве хорошего портного и срочно пошил себе элегантный костюм, купил своей жене и мне одежды в подарок. Эта шалость обошлась без последствий.

Вообще, никакие дурные обстоятельства многие годы не могли погасить его озорства. Вспоминаю, как начиналось каждое утро, пока мы продолжали жить втроем в комнате в коммунальной квартире на Раздельной улице. Борис просыпался, садился в постели и неизменно провозглашал: «Щедрый, мудрый, терпеливый, добрый и великий», имея в виду себя, победоносно поглядывая на меня и маму. Мы тогда смеялись, но сейчас я понимаю, что вот такие он ставил себе задачи – и действительно со временем стал таков. Иногда просыпался в грустном настроении и цитировал что-нибудь вроде: «Вы все мне зла хотите, и если можете, то мне всегда вредите». Или уж совсем печальное: «И скоро на радость сестры и врагов могильной засыплюсь землею». Все воспринималось как глупые шутки, словесный понос, а вон как обернулось – какая уж тут радость сестры!

Борис ненавидел что-либо делать по дому и приходил в недоумение и даже негодование, если его просили, например, выйти на кухню поставить чайник. Тут нам с мамой выдавалась цитата из А. Н. Островского: «Содержу вас, содержу, толстухи безотрадные, а толку нет!».

Эзопов язык

В математическую экономику Борис вступил уже сложившимся ученым. Необычное для экономиста тех лет широкое гуманитарное образование, несомненно, помогало ему оценивать экономику в широкой исторической перспективе, придавало масштабность его теоретическим идеям. Пригодились и занятия военной экономикой фашистской Германии.

История с КГБ наложила печать на всю последующую жизнь и творчество Бориса. Только в 90-х годах, встретив-

шись с Леней Фридманом, я услышала конец истории их дружбы с Борисом, Натаном и Колей. КГБ не только расследовало дело и наказало его участников, но и потрудились подорвать у каждого из них доверие и любовь к друзьям, клевета им друг на друга.

Бедные декабристы, многие из которых оговорили своих друзей, смогли простить друг друга, сохранить свою дружбу юных лет. Но третьему отделению все же не пришлось в голову специально заняться уничтожением этих отношений, которые потом согревали жизнь каторжан.

Борис же и его друзья не поняли, что уничтожение их отношений – еще одна нива кэргэбэшной деятельности, и под влиянием клеветы их пути постепенно разошлись. Позднее у Бориса были разнообразные приятельские отношения с коллегами, но никто не пришел на смену утраченным близким друзьям трудной, бедной, но веселой искрящейся молодости, этому собранию ярко талантливых молодых людей...

Этим последствия столкновения с КГБ не ограничились. Невзирая на опасность серьезных и честных исследований советской экономики, Борис не смог победить соблазна этих занятий. Переход на экономико-математические методы дал ему доступ к другому языку науки – математическому, статистическому, кибернетическому. И вот в целях безопасности Борис загородился трудным стилем, лесом формул и терминов.

Кто мог пробиться к пониманию его мыслей через эти барьеры? Математики, как я слышала от них самих, понимали его хорошо. А вот среди экономистов нового направления профессиональная среда еще только начинала складываться. Борис работал в окружении зеленой молодежи, пришедшей даже не из университета, а из экономических и инженерных институтов. Они далеко отставали от него по знаниям.

В силу такого разрыва Борис потерял чувство необходимости считаться со своей профессиональной средой и ориентироваться на ее суждения. Мудреный стиль его работ стал притчей во языцех, вызывал у кого почтительное изумление, а у кого и насмешку. Выход в 1964 г. его первой

книги «Перспективные расчеты на основе простых динамических моделей» со ссылками на более чем 350 источников на четырех языках привел некоторых его недалеких читателей к выводу, что Борис – просто зачитавшийся эрудит, и за совершенно чуждым им материалом нет ничего, кроме тумана ученых терминов и излишних цифр.

Однако уже в этой книге Борис сформулировал и просчитал свои основные новые и дерзкие выводы. Он описал советскую экономику как хозяйство, обслуживающее, прежде всего, большую «внеэкономическую нагрузку» – не мог же он упоминать военную промышленность, расходы на армию и страны-сателлиты! Он показал, что такая система со временем истощает свои ресурсы – трудовые, природные и капитальные. У нее не хватает средств поддерживать свое население так, чтобы оно могло себя воспроизводить на должном уровне здоровья, образования и производительности труда. У такой системы не хватает средств на прокладку и починку дорог, телефонных и электрических сетей, на обновление оборудования в отраслях, не связанных с военной промышленностью, на повышение продуктивности сельского хозяйства.

Истощение ресурсов должно привести к падению темпов роста – краеугольного камня всего здания советской идеологии, нацеленного на то, что СССР в ближайшем будущем догонит и перегонит развитые страны капитализма. Таким образом, работы Бориса предсказывали наступление застоя и предлагали в качестве спасительной меры снижение общих темпов роста с целью ускорить рост отраслей, производящих предметы потребления, за счет замедления роста отраслей тяжелой и оборонной промышленности.

Разумеется, Борис не мог популяризировать такие выводы – их некому было слушать, а для него они представляли колоссальный риск. Еще как-то во времена Хрущева его уговаривали откликнуться на призыв идеологического руководства писать в правительство записки о том, как спасти сельское хозяйство. Он только посмеивался: «Ну кто же им писать будет? Было время, писали по приказу Сталина закрытые записки. А где теперь их авторы? Сгинули в лагерях».

Понятная, но опасная работа

Однако в 1967 г. Борис, которого уговаривали более молодые коллеги, в том числе будущие академики А. И. Анчишкин и Ю. В. Яременко, другие люди, и я в том числе, решил написать весьма понятный текст – прогноз развития СССР на 70–80-е годы. Он заставил замолчать своего «внутреннего редактора», поверив, что настало время, когда обществу и его руководству нужны объективные знания о состоянии и перспективах развития советской экономики. Этот доклад был ответом на правительственное задание, поставленное одновременно несколькими исследовательским институтам.

Для Центрального экономико-математического института, где Борис в то время заведовал лабораторией, конечно, был риск выйти с какими-то уж очень небывалыми результатами, но был и соблазн: а вдруг работа получит одобрение и тогда – престиж и слава институту. Директор Н. П. Федоренко решил на этот риск. Доклад был результатом многолетних работ лаборатории, а не обычной отпиской на запрос правительства.

Борис, как вспоминает директор института, не хотел смягчать никаких острых формулировок. Я помню, что в части, посвященной анализу прошедшей пятилетки 1961–1965 гг., он охарактеризовал советскую экономику как «военно-тоталитарную систему хозяйства», сосредоточившую свои ресурсы в стратегически важных отраслях и развивающуюся по инерции, поскольку влиятельное руководство этих отраслей продолжает требовать (и получать) ресурсы, даже если спрос на их продукцию уже не растет. В работе доказывалась бесперспективность развития некоторых отраслей, предсказывался общий спад промышленного производства, отмечалось падение жизненного уровня населения, снижение эффективности капитальных вложений и нарастание международной изоляции СССР...

Одним из последствий милитаризации экономики Борис видел скрытую инфляцию, происходящую при официальном ежегодном снижении цен. В докладе подробно раскрывалась тайна этого фокуса: снижение веса в стандартных упаков-

ках (например, вес банки сгущенного молока снизился с 310 до 300 г), уменьшение расхода ценного сырья (в колбасу добавлялось все больше воды, крахмала и костей), ускорение производственного цикла за счет снижения качества продукта (сокращение времени созревания сыров, вина, пива и т. д.). На основе этих скрупулезных исследований был рассчитан и масштаб инфляции – 20% за период 1956–1966 гг. Сейчас понятие инфляции знакомо каждому россиянину, но в те годы оно было табу. Считалось, что в СССР цены могут только падать или оставаться неизменными, и этот крамольный термин никогда не попадался в работах по советской экономике.

В докладе были сформулированы и меры экономической политики, которые могли бы предотвратить упадок экономики. Прежде всего надо было отказаться от задачи наискорейшего роста. При замедленном темпе роста предлагалось резко увеличить выпуск потребительских товаров и потратить ближайшие десять лет на внедрение в промышленность новых технологий, тем самым обеспечив ее будущее развитие.

Конечно, содержание доклада было бомбой, и дирекция, поставив на него гриф «совершенно секретно», напечатала очень ограниченное число экземпляров (но отнюдь не три, как утверждает академик Н. П. Федоренко), старалась предотвратить неприятности...

Может быть, мне несколько изменяет память, но возможно и то, что директор даже в 1998 г., в момент написания своих мемуаров, продолжал обороняться от ущерба, исходившего от этой взрывной работы. Согласно Н. П. Федоренко, все три экземпляра работы он вместе со своим шофером сжег ночью в Нескучном саду. Из начальства эту крамолу прочли якобы только председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков и президент АН СССР М. В. Келдыш. Они решили, что содержание доклада явно противоречит программе партии – с помощью наискорейшего роста экономики построить материально-техническую базу коммунизма. Поэтому знакомить с ним правительство нельзя – опасно не только для автора, но и для его института. За этим и последовал костер.

Я же вспоминаю, что экземпляр доклада имелся в спецхране НИЭИ Госплана СССР, где я работала в то время, и оба мои начальника – А. И. Анчишкин и Ю. В. Яременко – его читали и обсуждали. Это означает, что, скорее всего, и другие институты, занятые прогнозированием, получили этот доклад, а значит, несколько десятков людей имели возможность ознакомиться с ним. Но в широком плане это ничего не меняет: из людей, принимавших решения о дальнейшем развитии страны, никто не был готов слышать реальное положение дел в экономике.

За свой рискованный доклад Борис был немедленно наказан понижением в должности – с заведующего отделом до заведующего лабораторией. Ему всячески давали знать, что и это надо рассматривать как милость.

Работа на новом, еще более высоком уровне

Борис продолжал свои исследования в полностью независимом ключе, но больше не делал попыток популяризировать свои выводы. Не говорить о своих мыслях он мог, но ежедневная ложь, практиковавшаяся в советской экономической науке, оставалась ему чужда. Можно сказать, что Борис был в высшей степени религиозным человеком. Его Богом была наука, и лгать своему Богу он не мог.

Кроме исследований, у него были и другие сферы деятельности. По его инициативе началось издание журнала «Экономика и математические методы», и он оставался бессменным заместителем главного редактора, руководя повседневной жизнью журнала.

Еще одной областью были переводы работ западных экономистов и их редактирование. И журнал, и переводы служили цели развития экономико-математического направления в СССР, единственного сравнительно свободного от марксистской догмы, и построения «мостов» между советской и западной наукой.

Хочу заметить, что в то время увлечение количественным анализом приняло тотальный масштаб. Борис и здесь опережал многих отечественных и западных коллег, хоро-

шо понимая, что ценность количественного анализа ограничена, и нельзя видеть в нем некое «волшебное слово», дающее ответы на все вопросы. Такого же мнения придерживался и американский экономист В. Леонтьев, один из родоначальников математической экономики.

П о д в и г т р е т и й.

Кадры

В своей лаборатории Борис вел своеобразную кадровую политику. Он принял на работу людей, отсидевших большие сроки по политическим статьям, которых никто не рисковал нанимать: В. Красина, Б. Ратновского и др. Работы с них он почти не спрашивал, считая их маленькие зарплаты пенсией, которая им полагается как потерпевшим. Кого-то он этим спас, а кого-то и разложил. От В. Красина, в частности, он дождался отнюдь не благодарности: Виктор печатал самиздатские политические тексты на служебной машинке, за что Бориса опять потянули в КГБ. На этом Виктор не остановился, опубликовав ругательный материал о Борисе в «Хронике текущих событий» – самиздатском правозащитном журнале. Борис у него вышел соглашателем и врагом правозащитников... Бориса такая нередкая среди диссидентов высокомерная безответственность приводила в негодование: «Сколько раз говорил – не сри в кормушку. Нет, не хотят понять!».

Сам работал за всех и больше всех, с помощью 7–8 так называемых «девочек» – сотрудниц, выполнявших конкретные статистические задания. Для младших научных сотрудников он ввел 4-часовой рабочий день – считал, что больше с них требовать нельзя при их низких зарплатах.

Построением моделей прогнозирования в лаборатории занимались также А. Гладышевский и Ю. П. Соловьев. Математики А. Вересков и А. С. Бернштейн работали сами по себе.

Помню, как однажды у Бориса что-то не ладилось в математическом описании экономического процесса, и он долго и сконфуженно обсуждал со мной, как бы ему попросить о помощи А. Бернштейна – это ведь не его тема.

Я уверена, что ему с удовольствием помогли бы во многом, но уж тут он не мог отойти от своего образа одиночки, который все делает сам – и всех удивит. Это вьелось с детства.

П о д в и г ч е т в е р т ы й.

Совершенно новая теория

После скандала с докладом он обратился к другим научным задачам. Наконец, защитил докторскую диссертацию после десяти лет труда. По ее материалам в 1972 г. Борис издал вторую книгу, где экономическое развитие исследовалось уже методами системного анализа, то есть экономика анализировалась не на основе моделей ее роста, а как открытая система, часть гораздо более широкой системы, где на ее развитие влияли экологические, социальные, демографические и культурные факторы. Тем самым он подверг механико-органические модели роста, все еще популярные как на Западе, так и в Союзе, критическому анализу, независимо от венгра Я. Корнаи – самого оригинального экономиста-теоретика социалистического лагеря.

За границей работы Бориса вызывали интерес. Переводы публиковались в Польше, Югославии, Франции. Франция даже закупила для своего планирования его модель среднесрочного прогноза. Разумеется, никто его не выпустил во Францию и не дал поучаствовать в реализации модели.

Начало конца. Дредноут

На родине применения работ не предвиделось. В кулуарах на докторской защите Бориса кто-то сказал: «Михалевский – это гигантский дредноут. Теперь он закончен и начнет ржаветь». Сложилась драматическая тупиковая ситуация: отрыв работ Бориса от уровня и будней советского планирования лишил его работы практического приложения, а сложный стиль отгораживал его от его читателей-коллег.

Мечты об эмиграции

«Ржаветь» человеку с таким запасом творческой энергии оказалось очень трудно, и Борис загорелся идеей эми-

грации в Израиль, которая как раз начиналась в начале 70-х годов. Еще в конце 60-х годов он увлекся сионизмом и проникся убеждением, что, как бы евреи ни старались, они в конечном счете никому не нужны в других странах и должны ехать в Израиль.

Он завел себе исключительно мрачное хобби – занялся расчетом демографического баланса еврейского населения на территории СССР в годы войны в разбивке по республикам. Разыскивая нужные цифры, он с присущей ему основательностью перерыл много советских и иностранных источников, а также проделал экстраполяционные расчеты, чтобы получить недостающие данные. После смерти Бориса я пыталась свести воедино его незаконченную работу, но это оказалось мне не по силам. Не знаю, сделан ли такой баланс кем-нибудь за прошедшие тридцать лет.

В 1972 г. он взялся за серьезные приготовления к отъезду: собрал все секретные материалы, имевшиеся в его лаборатории, и, составив официальный акт, сжег их. Это отнюдь не обрадовало его начальство, прекрасно понявшее его намерения. Ему давали понять, что из страны не выпустят. Он жаловался, что самые разные люди обращаются к нему с одной и той же фразой: «Что тебе делать в Израиле? Кончишь тем, что будешь апельсины сортировать». Потом его осенило: видимо, был где-то инструктаж, как с ним обращаться, и фраза эта была там произнесена.

Тем не менее он продолжал работать – кончал книгу, посвященную эмпирической верификации его системы моделей, вернулся к занятиям экономикой фашистской Германии по своим старым материалам, но уже с использованием эконометрических подходов. Успел только написать фрагмент об измерении мобилизационного напряжения.

Смятение и гибель.

5 мая 1973 г.

В смятении ожидалось рождение первого к 43 годам ребенка: Борис говорил, что не может отвечать перед ним за этот мир, но не может и отрицать право своей жены на материнство.

В этом состоянии смятения, раздражения и общей запутанности дел он и уехал в майский байдарочный поход, из которого не вернулся. С двумя спутниками, которых он знал мало, они отправились в поход по речке Угре. Летом ее и курица вброд перейдет, но в половодье река вздулась, течение было быстрое, особенно под мостами. Под одним из них лодка перевернулась, и все трое путешественников оказались в холодной и быстрой реке. После последнего привала Борис поленился снять сапоги – вероятно, они и потянули его вниз. В какой-то миг он позвал на помощь, но его спутники только прокричали ему: «Борис, держись!». Сами они поплыли в другую сторону, где рыбаки помогли им выбраться, а Бориса понесло течением, и больше его не видели.

Спутники не стали искать его тело, а немедленно уехали, подарив его байдарку местным жителям в благодарность за помощь. Не зашли даже к матери, объяснив только вдове, что сами еле спаслись.

Post Mortem

Кое-кто в институте говорил, что это убийство. Правды мы никогда не узнаем, но надо сказать, что его исчезновение оказалось очень удобным для администрации института: в последнее время Борис, вероятно, впал в отчаяние и стал очень уж неудобен: приходил на ученый совет и разносил обсуждаемые работы и их авторов, кормящихся наукой. А ведь мог бы сказаться больным и просто не являться, никто бы его не искал. Но нет – приходил и скандалил.

Теперь, тридцать лет спустя, введя в Интернете его имя, можно найти статью, написанную от имени его института – ЦЭМИ, где говорится, что его «безвременный и трагический уход из жизни лишил отечественную науку блестящего теоретика... Ученых такого рода, к сожалению, мало и в отечественной, и в мировой науке... Сегодня сама жизнь показала поразительную точность составленного в 1967 г. Б. Н. Михалевским и его группой прогноза развития советской экономики на 70–80-е годы...».

Судьба Борисовых работ

После смерти Бориса никогда, никому и ничего не удалось опубликовать из его незаконченных трудов. Сначала стали говорить, как это непонятно. Как будто при жизни его работы были понятно написаны! Перед отъездом в свой майский отпуск Борис сдал в издательство «Наука» книгу, посвященную статистической верификации его моделей. Книгу постоянно обещали издать, но так и не издали. Рукопись были готовы перевести и издать в США, а также Румынии – последовали отказы.

В 1992 г., по приезду в Москву, я специально расспрашивала академика Ю. В. Яременко о судьбе трудов Бориса. Он сказал, что и он, и академик А. И. Анчишкин пытались переиздать некоторые работы Бориса – и каждый раз наткнулись на запрет из неясных сфер. Даже мертвый он был опасен и страшен. Только портрет его висит в конференц-зале института в ряду с другими выдающимися советскими экономистами. Не то чтобы администрация вдруг полюбила и оценила Бориса Натановича, а просто Ю. Лейбкинд, один из тех, кто работал вместе с Борисом еще в немчиновской лаборатории, портрет заказал и повесил. Снять не решились.

Когда в 1977 г. я очутилась в США, то сразу же услышала просьбы советологов дать какие-нибудь неизданные рукописи Б. Н. Михалевского – они знали о его работах и питали к ним большой интерес. Я сумела бы их вывезти, но увя, издательство не отдало рукопись книги, обещая издать ее в будущем году. Больше у него ничего готового не было.

Много усилий я потратила, чтобы на Западе опубликовали хотя бы обзор его работ. У такого обзора должен был быть западный автор, советолог, заинтересованный в работе советского ученого и знавший современные эконометрические методы – но такого не нашлось. Советологи, подобно своим советским коллегам, отставали от современной науки и были не сильны в эконометрике. Только сейчас, почти через тридцать лет, в России ясно написали, в чем состояла ценность и основные выводы работ Бориса...